

АФРИКА В СУДЬБЕ ИРИНЫ КНОРРИНГ

Наше издание регулярно публикует материалы и исследования, посвященные «африканскому» периоду истории русской эмиграции и уникальным творческим личностям, оставившим свой, особый след в искусстве¹. Безусловно, к их числу относится и русская поэтесса **Ирина Кнорринг** (1906-1943), в творчестве которой пронзительно и нежно звучит ностальгия по Африке - по белоснежно-голубой Бизерте, по кадетскому братству. В своих стихах и дневниковых записях она не раз возвращалась к тем годам, вспоминая многоголосье арабских рынков, традиции местных жителей, дивную африканскую природу.

Ирина Николаевна Кнорринг родилась 21 апреля (4 мая) 1906 г. в селе Елшанка Самарской губернии. Родители Ирины - дочь статского советника Мария Владимировна Щепетильникова (1881-1954) и дворянин Николай Николаевич Кнорринг (1880-1967).

Во время Гражданской войны в конце 1920 г. Кнорринги оказались в числе беженцев в Крыму. Н.Н.Кнорринг преподавал историю в Севастопольском Морском кадетском корпусе, в составе которого семья и покинула Россию. Ирина не знала тогда, что на родину ей не суждено будет вернуться. В 1921-1925 гг. Кнорринги в числе других беженцев из России находились в Тунисе. Летом 1925 г. семья переехала во Францию, где поэтесса прожила вплоть до своей кончины в 1943 г.

При жизни И.Кнорринг вышли два сборника ее стихов² и три сборника были изданы после смерти поэтессы³.

Все годы своего изгнания поэтесса вела *Дневник**, в котором отражены важные пласты

И.М. НЕВЗОРОВА

жизни русских в Тунисе: полуничья жизнь русских беженцев, тяжелый эмигрантский быт; и наряду с этим - широкий спектр общественной и культурной деятель-

Ирина Кнорринг. Сфаят. 1924 г.

ности русской эмиграции, работа Морского кадетского корпуса в лагере Сфаят, судьба матросов и офицеров Русской эскадры в Бизерте. В Тунисе Ирина почти

ежедневно писала в *Дневник*, в дальнейшем называя эту традицию «сфаятской привычкой».

Из записей И.Кнорринг мы узнаем много любопытных и неожиданных деталей бизертского быта: радость от переезда в новую «кабинку» (так называли часть пространства в бараках с легкими перегородками вместо стен), тяжесть работы «корпусных дам» в пошивочной мастерской, трогательность ухаживания кадетов за барышнями, жестокость муштры дорвавшихся до власти новоиспеченных офицеров, вчерашних кадетов и т.д. Много строк посвящено африканской природе, древним памятникам Туниса, которые поэтесса открывает для себя. А нежные, камерные стихи И.Кнорринг увековечили красоту Африки и тоску по России.

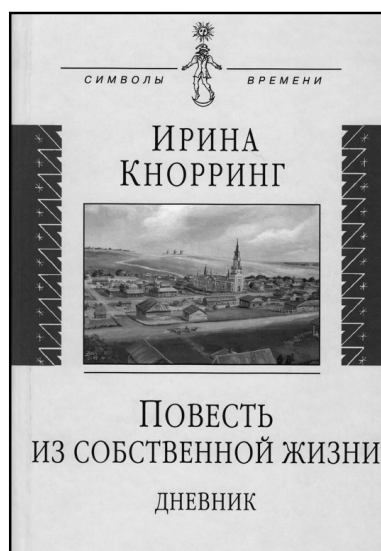
Фрагменты *Дневника*, подобранные автором статьи, дают возможность прочувствовать ту непростую атмосферу, в которой оказались русские эмигранты, заброшенные судьбой в Северную Африку.

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ И ЭВАКУАЦИЯ В ТУНИС

В ноябре 1920 г. Кнорринги погрузились на линейный корабль «Генерал Алексеев», который в составе кильватерной колонны покинул Севастопольскую гавань, взяв курс на Константинополь. Ирина записывает в *Дневнике*:

«Ужасный день, еще ужаснее ночь! Все берега были запружены народом, по бухте взад и вперед носились шлюпки, попасть на пароходы почти не было никакой возможности. С берегов доносились крики, истерики, а ночью к тому же прибавилось зловещее зарево пожара» (запись от 5/18 ноября 1920 г.).

Беженцы до последнего часа не знали, куда их везут. Наконец стало известно, что корабли идут в Бизерту, в Тунис, который в то время находился под французским протекторатом.

* *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни. *Дневник*. В 2-х т. Т. 1 // Подготовка текста Н.Н.Кнорринга, Н.М.Черновой; вступительная статья, комментарии и аннотированный указатель имен И.М.Невзоровой. М.: Изд-во Аграф, серия «Символы времени», 2009.

Семья Кноррингов на берегу
Средиземного моря. Тунис. 1924 г.

ТРИ ДНЯ БЛАЖЕНСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГОСПИТАЛЕ

В декабре 1920 г. первые корабли, в их числе был и «Генерал Алексеев», вошли в Бизертинскую бухту. Около месяца беженцы находились на карантине на судах в Бизертинском озере. 21 января 1921 г. группа беженцев, среди которых были Кнорринги, была отправлена на берег в госпиталь (для дезинфекции). Как отвыкли беженцы от белых простыней и вкусной еды! Ирина записала:

«Там у каждого была чудная, мягкая кровать с белоснежными простынями, с теплыми одеялами, тарелка, ложка и кружка. [...] Французы относились к нам замечательно, и вообще эти три дня, что мы пробыли в госпитале, были для нас днями блаженства. [...] Кормили нас хорошо: утром чашка кофе без молока, в 12 часов завтрак из трех блюд: 1 - немяжко супу, 2 - мясо или что-нибудь, и 3 - зелень, всего понемножку, но, в общем, сытно, и чашка вина. В 5 часов обед, такой же, как завтрак, и хлеб» (26 января 1921 г.).

Префект Бизерты предоставил на выбор Корпусу один из лагерей и фортов береговой обороны. Комиссия во главе с капитаном II ранга Н.Н.Александровым остановила свой выбор на форте Джебель-Кебир, расположенном на горе (там будет базироваться Морской корпус), и лагере Сфаят, под горой (там будут жить

гражданские лица и обслуживающий персонал Корпуса).

«БЕЖЕНЕЦ - ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОТЕЧЕСТВА»

Ирина с родителями разместились в Сфаяте, где жили семьи педагогов: Н.Н.Кнорринг преподавал в Морском корпусе «Историю русской культуры». Первые впечатления, как всегда, самые свежие и яркие, среди них - распорядок жизни Морского корпуса и его «голодное» меню, которое разительно отличалось от «госпитального»:

«В 7 часов пробудка, часов около 8-ми кофе, в 12 - обед, в 7 - ужин, в 8 - молитва, в 9 - спать. Так распределён день для гардемарин 8-й роты, которая живет здесь (в Сфаяте. - И.Н.), а не на форту. Поневоле и мы принашиваемся к такому же расписанию. ...Голодно только. Эти супы - они совершенно без зелени, в них даже картошки нет, одна перловка и мутная вода. А на ужин эта же шпатель, только совсем на воде, или ячневая каша. Другого меню не существует. [...] Как тут можно заниматься, когда только и думаешь: что бы загнать и хоть лепешек купить у арабов? [...] Кадеты загоняют уже и казенные вещи. Все они страшно распустились, изворовались [...] Мне очень хочется получить ботинки, белье, сытно пообедать, выучить французский; хочется пойти в город; хочется, чтобы была хорошая погода» (19 января/1 февраля 1921 г.).

Ирина пытается уловить пульс жизни русского лагеря в Африке, поймать за множеством мелочей что-то главное и значимое:

«Сфаят - это вечно волнующаяся масса людей, тревог, сплетен, толков, интриг и предрассудков. Сфаят - это лагерь бывших людей. У всех его обитателей положение настолько неопределенное, что они даже представить себе не могут, что ждет их. [...] Нравы жителей грубые и суровые. Живут они грязно, голодно и холодно. ...К 9 часам вечера все уже спят. С первого взгляда Сфаят может показаться мертвым, но если заглянуть в каждый отдельный барак, в каждую комнатушку, то везде обнаруживается деятельность. [...] Обитатели вечно ссорятся, ругаются, тоскуют и вздыхают. Жизнь Сфаята ленивая, скучная и до смешного однообразная, наводит тоску. [...] Центр Сфаята, его жизни и интересов - камбуз» (7 апреля 1921 г.).

Русским беженцам предлагали работу. Представитель французского военного командования в Тунисе, капитан Лоридон контролировал положение в русских беженских лагерях, регулярно объезжая их.

«Вы, русские, дармоеды и бездельники! Вы только любите чужой хлеб есть, а работать не хотите. Ведь вам предлагали работу - стирать, работать 10 часов в день, тот же паек и еще 20 франков в месяц. Почему никто не пошел?» - записала И.Кнорринг слова Лоридона, на которые ему возразили, что ведь здесь «все интеллигентные люди». Тот ответил: «Вы теперь нищие, у вас нет России, вы только эмигранты и не имеете права отказываться ни от какой работы, вас скоро совсем лишат пайка». Ирина заключает: «Что такое беженец? Беженец - это человек без отечества, без права, без состояния, без собственности. Бездомный скиталец, всем мешающий и бесполезный» (4 июля 1921 г.).

«...РЯДОМ НЕТ МАМЫ»

С июня 1921 г. Ирину, после долгих колебаний, решено было отдать в женский пансион при монастыре Сионской Божьей Матери, имевшем свое отделение в Бизерте.

Однако она недолго проучилась в пансионе. Придя в отпускной день к родителям в Сфаят, Ирина заявила, что к монахиням

больше не вернется. 15-летняя Ирина дает и более убедительное объяснение своему поступку:

«После костела меня вызвали к начальнице. Она спросила меня - отчего я плакала? Ну, как я ей могла сказать? [...] Совершенно чуждый мне человек - по национальности, по вере. Могла ли она понять чувства русского человека, да еще беженца. Разве может она понять, что над русскими висит страшное горе, особенно у беженцев, здесь. Разве можно быть счастливым в Бизерте русскому? Никогда! А разве могу быть счастлива я, когда знаю, что дома голод, работа, грязь. Я много смеюсь, но разве это настоящий смех? Это смех сквозь слезы; смех, чтобы скрыть от самой себя свои чувства; это смех неестественный, грубый. Всегда русский человек смеется сквозь слезы. [...] Я ничего почти не ответила начальнице, сказала лишь: «*Puis que je suis sans mère*»*. [...] Ночью я так плакала!..» (10 июня 1921 г.).

После того как И.Кнорринг забрали из монастыря, образование ее продолжилось среди кадетов Морского корпуса. Семья Ирины, как и многие русские семьи в Бизерте, продолжала традиции, чтимые русскими морскими офицерами. Среди них - так называемые «усыновления» кадетов. Оказавшихся на чужой земле без родителей мальчишек приглашали на обеды и ужины, заботились о них. Так, школьные товарищи Ирины были всегда таями в семье Кноррингов.

ПО АФРИКАНСКИМ ПРОСТОРАМ

«Фантазия из Ветхого Завета» - вот что такое Африка для Ирины. «Чувствуется Африка», - говорит поэтесса.

«Сегодня мы все вдвоем ходили гулять очень далеко... Проходили удивительно красивые места, где уже, действительно, чувствуется Африка: громадные пальмы в цвету; огромные, сажени в три высотой, кусты кактусов, и тоже в цвету. Оригинально цветут они: у них на концах их толстых овальных листьев, покрытых колючками, будто наколоты большие желтые цветы. Прибавить к

этому арабов в их патриархальных костюмах; их маленьких осликов, постоянное “арри”, которыми они понукают их; несколько нагруженных верблюдов с удивительно мелодичными колокольчиками - и получается какая-то необыкновенно милая и давно знакомая фантазия - из Ветхого Завета» (7 мая 1922 г.).

«А С КАЖДЫМ ВТОРНИКОМ СФЯТ ПУСТЕЕТ...»

...А с каждым вторником Сфят пустеет.

Прощаются, спешат на пароход.

Два-три лица серьезней

и грустнее, -

И снова время тихое плывет⁴...

В октябре 1921 г. Чехословакия «открыла двери» русским студентам. В связи с этим осенью 1921 г. Союз русских студентов в Тунисе стал проводить учет и анкетирование русской молодежи в Тунисе⁵. В Морском корпусе были выделены специальные «классы», где молодых людей «подтягивали» по математике, физике, гуманитарным дисциплинам. В начале 1922 г. в Бизерту прибыли представители Русской учебной коллегии из Праги У.Жиляев и Л.Художников, составившие вместе с местными педагогами аттестационные комиссии. В результате, в марте 1922 г. из Туниса в Прагу для обучения выехали первые русские студенты и гардемарины (всего 75 человек).

Для русских беженцев в Тунисе 1920-е гг. были крайне сложными. Это был период, когда вера на возвращение в Россию, столь сильно согревавшая в первые месяцы изгнания, постепенно иссякла, а необходимость ассимиляции в странах изгнания русскими людьми еще не была осознана. Пьянство, наркотики, самоубийства - всё это было. Не у всех молодых эмигрантов была воля, чтобы определить свой будущий путь, не у всех были родные в Тунисе. Из Туниса бежали без денег и даже без документов.

С целью координации работы по поиску средств на образование русской эмигрантской молодежи в сентябре 1922 г. был образован Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Комитет [...] обращает особое

внимание на то, чтобы в первую очередь устроить находящихся в северо-африканских колониях несколько сот русских студентов, ибо последние находились в очень тяжелых моральных и материальных условиях⁶.

Дневник И.Кнорринг отражает хронику таяния русской колонии в Тунисе. Она с грустью пишет о том, что приходится расставаться, но в то же время радуется за отъезжающих.

«Тяжелая картина этот отъезд. Русских уехало 170 человек. Тихомировы еще едут в хороших условиях, а другие на какие-то работы во Францию. Денег у них, конечно, ни сантимата. Что ждет их - неизвестно. Иные бодрятся, улыбаются, другие сидят на узлах и не поднимают головы. Громадная толпа на пристани, и все русские. Провожających много, были многие из Сфаята. Погрузились на катер и отплыли к пароходу... К пристани пароход не подходил во избежание “зайцев”: видно, Африка не вмоготу нашему брату, русскому, много удирают без визы и без паспорта. Когда катер отошел от пристани, один из гардемарин, провожавших товарищей, подошел к адмиралу: “Разрешите кричать УРА?” - “Кричите!” - “Отъезжающим УРА-А-А!” - “УРА-А-А!” - подхватили в толпе. “УРА-А-А!” - кричали на катере. Я не выдержала и потихоньку заревела» (10 июля 1922 г.).

«РАДОСТЬ СТРАННЫМ»

Для педагогического состава и кадетов Морского корпуса в пещерном каземате на горе Кебир была оборудована русская православная церковь, носившая имя Святого Павла Исповедника (небесного покровителя Корпуса). Организатором и настоятелем церкви был отец Георгий Спасский. По заказу отца Георгия в русской иконописной мастерской Сфаята была написана специальная Икона Божией Матери «Светлая Обитель странников бездомных», ее называли «Радость Станным». В нижней части иконы изображена «последняя стоянка»: корабли Русского Императорского флота (Русской эскадры) в Бизертинском озере. Терновый венец, окаймляющий икону, отправляет к статусу русских эмигран-

* Puis que je suis sans mère (фр.) - Потому, что рядом нет мамы.

Икона Божией Матери "Светлая Обитель странников бездомных" ("Радость Странным"). Выполнена в иконописной мастерской Сфаята одним из учеников-гардемарин. 1922-1925 гг.

тов - покорных судьбе «узников Бизерты».

К иконе отец Георгий составил акафист*, имевший хождение среди русских эмигрантов. С иконы было сделано множество списков. Один из них, выполненный неизвестным художником-гардемарин, поныне хранится в семье Кноррингов.

Отец Георгий был не только духовным наставником Ирины Кнорринг, но наставником ее поэтического творчества, та не раз давала ему на прочтение свои стихи.

В 1927 г. в Париже произойдет встреча Ирины Кнорринг с поэтом Юрием Софиевым, ее будущим мужем. Родители Ирины благословят молодых семейной иконой «Радость странным». Венчание состоится 20 января 1928 г. в Св. Александро-Невском Соборе в Париже, чин совершит о. Георгий. В качестве напутствия он скажет молодому мужу:

«У Ирины поэтическая душа. Но всегда очень грустна ее муза. От вас, Юрий Борисович, зави-

* Акафист - хвалебное церковное песнопение.

сит, чтобы на ее лире звучали другие ноты» (23 января 1928 г.).

Ирина Кнорринг не умела лгать: судьба изгнанника, действительно, была печальной; а если смех, то - «сквозь слезы». Однажды она проговаривается:

«Счастья можно добиться только страданием: после страданий всегда бывает счастье» (27 июня / 10 июля 1920 г.).

«МИРАЖ ПУСТЫНЬ» - ТУНИССКИЕ СТИХИ ИРИНЫ КНОРРИНГ

С детских лет Ирина предпочитала играм в куклы - языковые и эпистолярные «игры»: сочинение сказок, диалоги с феями, писание манускриптов с девичьими клятвами. Хотя главной тайной и другом ее жизни станет Дневник, но еще раньше, с 8 лет Ирина начинает писать стихи. Дневник порой служил ей *черновиком* в этом занятии (в нем поэтесса, так сказать, доводила до ума свои собственные чувства и мысли). Впервые стихи И.Кнорринг были опубликованы в 1924 г. в пражском журнале «Студенческие годы»⁷.

Это были зарисовки о Тунисе. Ирина испытывала интерес и дружескую привязанность к местному населению, хотя многие русские боялись арабов. Ее поэтическая, глубокая и чувственная натура умела видеть в их поведении (не всегда понятном и даже странном, с европейской точки зрения) *гармонию с миром*, с «яркой и дикой» природой Африки.

Бедуинка

Как будто на пестрой картинке
Далеких, сказочных стран,
Красавицы бедуинки
Отточенный, гибкий стан.
Из древних легенд и преданий,
Из песен степей и гор
Возникли синие ткани
И пламенный, дикий взор.
Как в статуе древней богини,
В ней дышит величье и мощь.
В ней слышится зной пустыни
И темная, душная ночь.

Над ней - колдовства и обманы,
Дрожанье ночного костра,
И звон, и грохот тимпана
Под темным сводом шатра.
И вся она - сон без названия
У серых стволов маслин.
Глухой Атлантиды преданье,
Лукавый мираж пустынь.
Блестящи на ней браслеты,
И взгляд величав и дик,
Как кованые силуэты
Из ветхозаветных книг.
1924 г., Бизерта

Хедди - арабский мальчик

Кусочек природы, как ветер,
как птица,
Подвижный, как пламя
высоких костров,
Веселый, как день, никого
не боится,
В какие-то тряпки одетый пестрб.
Приветлив, как солнце,
беспечный ребенок,
Задорен и весел смеющийся
взгляд.
Ослаблены зубы, а голос
так звонок,
Как писк воробьев, как трещанье
цикад.
Как будто сошел он с рекламы
летучей,
Как будто бы создан из этой
земли;
Сродни ему змеи, и кактус
колючий,
И белые камни в мохнатой пыли.
Простой и беспечный, как юные
годы,
От мыслей и фраз бесконечно
далек,
Он - часть этой яркой
и дикой природы,
Колючих растений нелепый
цветок.
1924 г., Бизерта

«ВЕТЕР ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ»

Природа и колорит Африки, вплетенные в каждодневные записи И.Кнорринг, присутствуют и в стихах русской поэтессы - как фон и как предмет ее пристального внимания и удивления: «...разговор с Мамочкой на мимозовой дорожке», «...поход к розковой дереву...» и т.д. Позднее, уже в Париже, подбирая стихи для очередного выступления, Ирина будет сетовать, что никто не поймет ее стихов, запечатлевших прелесть Африки, - ведь они там не были.

Мамочке⁸

Смотри на закатные полосы,
На землю в красной пыли,
Смотри, как колеблет волосы
Ветер чужой земли.
Как сосны вершинами хвойными
Колышут вихри лучей.
Смотри, как лучи беспокойные
Горят на твоём плече.
В недвижимом, седеющем воздухе
Закат разлил красноту.
Смотри, как арабы на осликах
В закатную даль идут.
Смотри, как маслины дуплистые
Не могут ветвей поднять,
Как искрится золотистая
Волос твоих светлая прядь.
И небо пурпурно-красное
Горит на краю земли,
И что-то хорошее, ясное
Клубится в красной пыли.

28 октября 1923 г.,
Тунис, Бизерта, Сфаят

РОССИЯ - МИЛАЯ СКАЗКА

В Африке русские изгнанники
не теряли связь с Россией. Знали
они в Тунисе и о том, что происхо-
дит в Советской России; приходи-
ли, пусть и с небольшим опоздани-
ем, русские периодические издания,
а также книжные посылки из Евро-
пы. С течением времени надежда на
скорое возвращение домой угасла,
русские эмигранты пребывали в
России лишь в своих мыслях:

Россия

Россия - плетень да крапива,
Ромашка и клевер душистый,
Над озером вечер сонливый,
Стволы тополей серебристых.
Россия - дрожащие тени,
И воздух прозрачный и ясный,
Шуршание листьев осенних,
Коричневых, желтых и красных.
Россия - гамаша и боты,
Гимназии светлое зданье,
Оснеженных улиц полеты
И окон замерзших сверканье.
Россия - базары и цены,
У лавок голодные люди,
Тревожные крики сирены,
Растущие залпы орудий.
Россия - глубокие стоны,
От пышных дворцов до подвалов,
Тревожные цепи вагонов,
У душных и темных вокзалов.
Россия - тоска, разговоры
О барских усадьбах, салазках...
Россия - слова, из которых
Сплетаются милые сказки.

1924 г., Бизерта

«МОЛЧАТ АРАБЫ ЧАСОВЫЕ»

Одно из самых грустных произ-
ведений - «Баллада о ликвидации»
- И.Кнорринг посвятила послед-
ним месяцам пребывания в Афри-
ке, когда вопрос о ликвидации
Морского кадетского корпуса был
решен. 6 ноября 1924 г. Русская эс-
кадра прекратила свое существова-
ние. Однако, по согласованию с
властями Туниса, Корпусу разре-
шили завершить учебный 1924-
1925 год. Баллада написана 11 мая
1925 г. в опустевшем Сфаяте, в
преддверии дальней дороги во
Францию. Поэт всей душой проща-
ется с Африкой, ставшей ей родной.
Вот несколько строф из баллады:

Баллада о ликвидации⁹ (фрагмент)

За морем - новая тревога,
Большой, тревожный, новый мир.
Совсем заглушшею дорогой
Мы поднялись в Джебель-Кебир.
[...]
Пустые стены казематов,
Мертво, и пусто, и темно...
Здесь помещался класс когда-то.
Здесь танцевали... Так давно...

[...]
Молчат арабы часовые,
По коридорам темень, мрак...
И воскрешают дни былые
Здесь каждый камень, каждый шаг.
[...]
А там, за входом - яркость моря,
Туда влечет морская даль...
Здесь было счастье, было горе,
И много мыслей, которых жаль.

1924 г., Бизерта

«ПЕРЕСВЕТЫ АРАБСКИХ КОСТРОВ»

В памяти Ирины воспомина-
ние об Африке переплелось с
дальними красками России, с озе-
ром Липовым в Елшанке, с чем-
то родным, далеким и настоящим.
Возможно, потому, что в Тунисе
она была юна, полна иллюзий, да-
лека от зловещих проблем социу-
ма, близка к природе, - как и во
времена своего российского дет-
ства. Стихи произрастают из - ка-
залось бы - *безысходного* круга.
Они и составляют счастье поэта:

Переплески южных морей,
Перепевы северных выюг -
Все смешалось в душе моей
И слилось в безысходный круг.

На снегу широких долин
У меня мимозы цветут.
А моя голубая полынь
Одинакова там и тут.
Я не помню, в каком краю
Так зловеще-красив закат.
Я не знаю, что больше люблю -
Треск лягушек или цикад.
Я не помню, когда и где
Голубела гора вдали,
И зачем на тихой воде
Золотые кувшинки цвели.
И остались в душе моей
Недопетой песней без слов
Перезвоны далеких церквей,
Пересветы арабских костров¹⁰.

1925 г., Париж

На этой печальной, но светлой
ноте мы окончим странствие в
Африку 1920-х годов, где давно
заросли тропинки в долине за
Джебель-Кебиром, по которым
бегали оторванные от родины ка-
деты, собирая нарциссы для рус-
ских барышень.

¹ См.: Сологубовский Н., Филатов С. По-
следняя из эскадры // Азия и Африка сего-
дня. 2007. № 1; Беляков В. Русские в Египте //
Там же, 2007, № 2; Панова М. Наташа Мар-
кова - русский художник в Тунисе // Там
же, 2008, № 4; Беляков В. История одной
фотографии // Там же, 2008, № 7; Пано-
ва М. Галина Махрова - художник русского
зарубежья в Тунисе // Там же, 2008, № 12.

² Кнорринг И. Стихи о себе (Париж,
1931); Окна на север (Париж, 1939).

³ Кнорринг И. После всего: Третья книга
стихов (Париж, 1949), Новые стихи (Алма-
Ата, 1967), После всего: Стихи 1920-1942 гг.
(Алма-Ата, 1993).

⁴ Из стихотворения Кнорринг И. «А с
каждым вторником Сфаят пустеет» (1924) //
Эос. Самоков (Болгария). 1926. № 4. С. 24.

⁵ Подробнее см.: Невзорова И.М. «Хочу
послужить России...»: По материалам архи-
ва Центрального комитета по обеспечению
высшего образования русскому юношеству
за границей // «В рассеянии сущие...»: I
культурологические чтения «Русская эми-
грация XX века». Сб. докл. М., 2006. С. 83-
102.

⁶ Могилянский Н. Франция - русским
студентам // Последние новости. Париж.
23.11.1922. № 796. С. 2.

⁷ Студенческие годы. Прага. 1924. № 6
(17). С. 14-15.

⁸ Эос. Самоков (Болгария)... С. 25.

⁹ «Баллада о ликвидации» полностью не
опубликована. Фрагменты цитируются по
кн.: Кнорринг И.Н. Книга о моей дочери:
Воспоминания. Алматы, 2003.

¹⁰ Кнорринг И. Я не помню // Последние
новости. Париж. 25.02.1926. № 1800. С. 3.